

INSPIRIA

История леди Макбет

И ВСЕ
«ВЧЕРА»

Джоэл Моррис

INSPIRIA

Джоэл Моррис

И все «вчера»

Серия «Novel. От истории к легенде»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74609856
ISBN 978-5-04-255144-4

Аннотация

Захватывающий исторический роман, действие которого происходит за десять лет до событий шекспировского «Макбета», предлагает новый взгляд на одну из самых знаменитых и противоречивых героинь мировой литературы – женщину, чьи амбиции, любовь и стремление защитить близких привели ее к бессмертию.

Шотландия, XI век. Рожденная в знатной семье и с детства отмеченная мрачным пророчеством, юная наследница вынуждена бороться за свое будущее в мире войн, жестокости и политических интриг. После смерти мужа судьба сводит ее с загадочным Макбетом, открывая путь к власти и любви. Но коронация короля Дункана и борьба за трон ставят ее перед выбором: защитить семью или поддаться року, который преследует ее всю жизнь.

«Лаконичный и точный язык Морриса усиливает ощущение надвигающейся тьмы, а его тонкий взгляд на положение мужчин

и женщин в средневековом обществе придает истории особую глубину. Увлекательное предисловие к мрачной и многогранной трагедии Шекспира». – Publishers Weekly

Содержание

Историческая справка	6
I. Лето	13
Мальчик	13
Леди	21
Мальчик	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Джоэл Моррис И все «вчера»

Joel H. Morris

ALL OUR YESTERDAYS

Copyright © 2024 by Joel Morris

© Киланова А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Эни,
и Эйвери,
и Гэвину*

Историческая справка

Женщина, которую Уильям Шекспир вывел в пьесе под именем леди Макбет, действительно существовала. Ее звали Груох. Она родилась в начале одиннадцатого века в знатной семье и была внучкой бывшего короля Шотландии. Совсем юной ее выдали замуж за мормэра Морей¹, честолюбивого наследника, который убил собственного дядю ради титула. Она родила ему сына. После того как мормэра и полсотни его соратников заперли в зале и сожгли во сне, она вышла замуж за его убийцу, тана Макбета. Новый муж принял ребенка в семью.

*Бесчисленные «завтра», «завтра», «завтра»
Крадутся мелким шагом, день за днем,
К последней букве вписанного срока;
И все «вчера» безумцам освещали
Путь к пыльной смерти
Уильям Шекспир, «Макбет»²,
акт V, сцена 5*

¹ Мормэр – титул высшей аристократии в средневековой Шотландии. Мормэр стоял во главе провинции или области, формально подчиняясь королю, но на практике обладая значительной самостоятельностью. Морей – владение в средневековой Шотландии, которое было ликвидировано в 1130 году (*здесь и далее – прим. переводчика*).

² Перевод Михаила Лозинского.

В глазах мужа я вижу голод. Они блестят от желания познать меня. Мы лежим рядом в млечном полумраке, наполовину принадлежа себе, наполовину – друг другу.

Сегодня наша первая брачная ночь.

Он приподнимается на локте, изучает мое лицо. Ласкает взглядом каждую черточку – рот, нос, щеку, подбородок. Я книга, которую он жаждет прочесть. Он хочет, чтобы я научила его чтению.

– Расскажи мне, – говорит он.

Я усмехаюсь. Он плохой ученик во всем, что не касается поля битвы. Там он искусен, опытен, но еще не научился применять свое мастерство в жизни... и в любви.

– Мой благородный господин, – говорю я. – Это ты мне расскажи. Опиши, что ты видишь.

Он задумывается. С чего начать?

– Твои губы, – говорит он, – алые, как лепестки роз.

Я вздыхаю.

– Для начала неплохо. Довольно банально, но неплохо.

– Вот как?

Он не привык, чтобы ему перечили.

– Попробую еще раз. Твои губы, алые, как лепестки роз, полны веселья.

– Слишком просто, – с усмешкой отвечаю я. – Ты жульничаешь.

– А когда ты смеешься, краешек твоей улыбки ползет вверх. Вот здесь, справа.

Я снова улыбаюсь.

– Вот как сейчас, – говорит он и проводит кончиком пальца по моим губам. Я не в силах удержаться от смеха.

– Мой господин, щекотно.

– И поскольку этот краешек поднимается чуть выше, когда ты смеешься от души, то видно этот зуб. Никогда не видел таких острых зубов.

Мой волчий клык. Я знаю. Стыжусь его всю жизнь.

– Это красивый зуб, – говорит он. – Его собрат не такой острый.

Я краснею, сжимая губы.

– Я тебя обидел?

Он хмурится.

– И теперь ты будешь прятать зуб, который мне нравится?

– Я не давала тебе позволения любить мои изъяны.

– Какие же это изъяны, если они мне нравятся?

– Правда?

Я заглядываю ему в лицо.

– Честно?

– Да, милая Леди.

В его глазах светится доброта. Именно она притянула меня к нему, позволила в ту ночь постучать в его дверь.

– Но ты поведала не все свои секреты, – говорит он.

– Только потому, что у меня нет секретов, мой господин.

– Нет?

– Нет.

– Уверен, что мне стоит поискать.

– Попробуй.

Я вытягиваю шею, чтобы поцеловать его. Он отстраняется.

– Однажды я их раскрою, – ворчит он.

Я надуваю губы. Мне нравится, что мы резвимся, как дети. И кто осудит? Это наша первая брачная ночь. Наверное, благородные женщины этого дома шепчутся по углам замка под покровом вуалей: «Это нечестивый союз – брак с Макбетом. На ее руках кровь прежнего мужа».

Он касается моей щеки, чуть ниже глаза, и продолжает меня изучать.

– Когда ты смеешься, то щуришь правый глаз.

Он касается моих ресниц.

– Неправда.

– Правда. Стоит тебе улыбнуться – и ты слепа на один глаз.

– А ты тогда на оба.

Он не обращает внимания на мою шутку.

– Твои глаза, – задумчиво произносит он. – Да. В них кроется тайна.

– Неужели?

Я устраиваюсь в постели поудобнее, отгоняя страхи перед замковыми пересудами.

– Скажи мне. В чем моя тайна?

Он снова внимательно вглядывается в мое лицо.

– Любовь. Я вижу в них любовь.

– К тебе, разумеется?

– М-м-м.

Он морщит лоб в раздумье.

– И чистосердечность.

Я смелею.

– О, я чистосердечна.

– Да, несомненно.

Он резко умолкает, начиная понимать.

– И ты искусна в своей чистосердечности.

Я натянуто смеюсь. Не ожидала, что он так быстро усвоит урок. За окном светит полная луна. Темный лес дрожит, стонет, желая узнать то, что уже знает мой муж.

– Что ты имеешь в виду?

Он ласково проводит большим пальцем по моей щеке, будто стирая влагу с запотевшего окна. Взгляд его становится уверенным; его лицо похоже на книгу, в которой только что перевернули страницу.

– Дело не в том, что ты не чистосердечна, а в том, что ты научилась использовать свою чистосердечность. Подобно лицемеру.

– Лицемеру?

Я фыркаю, хватаю его за запястье. Я делаю это в шутку, чтобы укусить его за палец, но его мышцы напрягаются. Я вижу вздувшиеся сухожилия на его шее; чувствую внезапную силу, способную вмиг обрушиться на врага, разmozжить его кулаком или разрубить мечом. Я отпускаю его запястье, но теперь он хватает меня за руку. Я чувствую, как его мышцы смягчаются, расслабляются, хотя он прижимает мою руку к постели, удерживая.

– Мой достойный тан, – протестую я.

– Драгоценная Леди, пойми меня правильно. Ты чистосердечна. Но за этой чистосердечностью что-то кроется. Навык, искусство. Будто ты постигла, что чистосердечие сильнее лжи. Твой глаз, твой зуб, твой радостный смех...

– Не чистосердечны?

Его пальцы находят мои, переплетаются с ними.

– Слишком чистосердечны.

– И в этом моя тайна? Мой господин, боюсь, ты совсем меня не знаешь.

Он размышляет, склонившись надо мной, его губы почти касаются моих.

– Твое лицо, моя Леди, – отрепетированное представление. Ты показываешь только то, что хочешь показать. Зрителям кажется, что они видят сквозь завесу, но они видят лишь саму завесу.

Я стремительно прижимаюсь к нему, словно в поцелуе. Но вместо этого прикусываю его нижнюю губу. Нежно, но на

языке остается легкий привкус соли и крови. Он не вздрагивает. Я отпускаю.

– Видишь, о чем я? – с усмешкой говорит он. – Само чистосердечие.

I. Лето

Мальчик

Все закончилось быстро.

Мальчик смотрел в окно, скрестив руки на откосе. По небу протянулась облачная косица, подрумяненная солнцем, которое клонилось к закату.

Мальчик глядел на дорогу. Его отец скоро вернется. Непременно. Из-за холмов на краю света, из дальних далей. Он вернется. Его отец вот-вот вернется домой и положит этому конец.

Он коснулся камешка на подоконнике, красного кругляша с причудливыми черными полосками. Неделю назад ему понравились цвета камня, и он носил его в кулаке целый день. Теперь камешек светился в отблесках багряного вечера. Мальчик подтолкнул его к краю окна, побуждая упасть. В конце концов он решил его судьбу и последним толчком отправил в траву внизу.

За спиной мальчика плакала нянька – пухлая женщина с туго заплетенными волосами под чистым белым вимплом³.

³ Западноевропейский средневековый головной убор из двух покрывал (верхнее закрывало волосы, нижнее – шею и грудь).

Утром она так отчаянно зарыдала при виде матери мальчика, что той пришлось сесть рядом, взять няню за руки и проследить, чтобы бедняжка не лишилась чувств. Но няня не переставала плакать весь день напролет. «Твоя матушка, — со слезами говорила она мальчику. — Радость-то какая».

Множество дней он наблюдал приготовления: распорядитель трапезы раздавал указания, мясник рубил, повара драили кастрюли, прачки сбивались с ног. Он часто вертелся под ногами, и на него покрикивали бранчливые служанки, а подвыпивший привратник отталкивал прочь. Но ничто не могло умерить его любопытства. Мальчик никогда еще не видел столько мяса, столько рыбы, столько ячменя. А столько вина, столько хлеба и столько яиц вряд ли еще когда-нибудь увидит.

И вот настал тот самый день. Погода была на редкость хорошая, и няня объявила это знаком свыше — сами небеса благословили союз влюбленных.

Облака плыли по небу, солнце клонилось к закату, а мальчика заперли в комнате под присмотром няньки. «Тану ни к чему дети на свадьбе, — проворчала она. — Тем более своих у него нет».

Положив голову на руки, он смотрел на дорогу. Из окна едва виднелся крест на часовенке. Свадьба проходила в часовне, рядом с которой его отец всякий раз плевался и бранился. Вот почему он задержался в пути. Вот почему еще не вернулся. Его отец плевал на церкви.

А еще он мертв.

При виде всадника мальчик вздрогнул. Он оторвал подбородок от скрещенных рук и прищурился. Но нет, всадник ничуть не походил на отца.

– Видно что-то? – спросила няня.

– Нет.

Она вздохнула.

– Что тебе сулит грядущее? Ты совсем малыш.

– Мне в будущем году будет десять.

– Твоя мать чистый ангел в этом платье, – с очередным вздохом сказала она. – Ангел. Тан дар речи потерял, когда увидел ее.

Мальчик раскинул руки и положил голову на гладкий каменный откос, прижимаясь к нему щекой. Его отец давно покинул замок, когда явился этот новый мужчина. Тан с бесшеними глазами, длинными волосами и костяком, туго обтянутым кожей, такой розовой, что напоминала сырое мясо.

Он вошел в их дом, и мать мальчика задрожала при одном его виде и прижала сына к груди. Они прятались в тени, пока он шел мимо. Мать молилась и велела мальчику тоже молиться. Тан остался. Он присвоил их дом. Он ел их еду со своими соратниками в главном зале. Он подружился с замковыми псами. Так проходил день за днем, и однажды мать мальчика сказала, что выходит за него замуж.

Мальчик не понял.

– Как же ты выйдешь за него замуж?

– С помощью обетов, – ответила она. – И кольца.

Отец разъярится. Он так ей и сказал.

– Твой отец, – возразила она, – мертв.

Но призраки выходят из могил. Кости тянутся к опавшей с них плоти. А иначе зачем засыпать их землей и молиться, чтобы они лежали смирно?

Его отец в пути. Пока мать выходит замуж, он пересекает пустошь, забрызганный кровью и грязью. Такие мужчины не умирают – такие могучие, свирепые мужчины. Мормэр способен обрушить небеса на землю и повернуть море вспять.

А еще мать мальчика не оплакала своего мертвого мужа. Не проронила ни слезинки.

Он придет.

Загудели свадебные колокола. От их звона у мальчика запылились зубы.

– Свершилось! – воскликнула няня. – Мальчик, смотри! Видишь что-нибудь?

Он перевел взгляд с меркнувшего неба на крест часовни внизу. Внезапная мысль кольнула его – способ сбежать. Но няня должна подойти ближе.

– Да, няня, – ответил он. – Да, посмотри сама.

Она тяжело поднялась, как старое водяное колесо, и побрела к окну. Едва она подошла, как мальчик развернулся и со всей силы пнул ее по голени. От потрясения она пошатнулась, попыталась за что-нибудь ухватиться и с хрипом рухнула. Голова ее глухо стукнулась о каменный откос.

Она неподвижно лежала, скорчившись, на полу. Глаза ее блуждали, дыхание напоминало сип кузнечных мехов. На лбу распустился алый цветок.

Мальчик не стал ждать осознания своей вины. Он выскочил за дверь, словно на крыльях ветра. Пронесся по коридору и скатился по лестнице, перескакивая через узкие каменные ступени и ленивых борзых, которые и ухом не повели.

Воины и слуги торопливо уворачивались.

– Вот негодник!

На кухне кипела работа. Распорядитель трапезы преградил путь, но мальчик поднырнул ему под руку и перевернул табурет, чтобы загородить проход. Мальчик налетел на кухарку, разбил кувшин и толкнул слугу, который рухнул на пол в облаке ячменя.

– Паршивец! – выругался кто-то. – Чертово отродье!

Наконец он добрался до двери. Выбежал во двор, пронесся мимо привратника и воинов и увидел часовню. Небольшое здание ярко украсили гирляндами в честь оглашения брака.

Мать сказала: «С помощью обетов и кольца». Он перекричит обеты. Растопчет кольцо. Если отец не придет, мальчик сам положит конец свадьбе.

Путь ему преградило море тел. Он толкался и извивался, но пробраться не мог, а проклятые слуги за его спиной уже пустились в погоню.

Мальчик рухнул на четвереньки и пополз под ногами у го-

стей, задевая бока, цепляясь за подола, пока не вынырнул на другой стороне, мокрый от пота, запыхавшийся, покрытый соломой и пылью. Он встал, чтобы встретить выходящих из двери часовни.

Толпа напирала со спины. Чей-то локоть задел ухо мальчика. Под перезвон колоколов донесся протяжный выклик: «Макбет! Макбет!»

Из часовни вышла его мать. Она держала за руку розового тана. Он вышагивал рядом с ней, их пальцы были переплетены, запястья туго перевязаны лентой. На ее пальце сияло золотое кольцо. Все потонуло в зловещем гуле колоколов.

Люди подались вперед, так что мальчика зажало меж бочков, утянуло в складки платьев, и он едва нашел щель в смыкающейся толпе. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как мужчина коснулся лица новобрачной – лица матери мальчика – и притянул ее к себе. Их носы соприкоснулись. Они поцеловались.

Раздался одобрителный рев толпы, и кто-то схватил мальчика за руку. Привратник дернул его назад, подхватил и грубо перекинул через плечо. Болтаясь, словно куль с рожью, мальчик подпрыгивал на каждом шагу обратного пути через разворошенную кухню, вверх по лестнице, в пустую детскую. Солнце уже почти село. У окна виднелось алое пятно в том месте, где упала няня.

Вошла старая служанка и молча принялась раздевать мальчика и вытирать с него солому и грязь. Но вскоре она

засетовала на свою горькую долю и на то, что мальчик едва не убил няню и, что хуже, устроил непотребство на свадьбе собственной матери.

Его отец не пришел.

– Он не пришел, – всхлипнул мальчик.

– Ну-ка, тихо.

Старуха обмакнула тряпицу в чашу с водой и так грубо прижала ее за ухом, что он вскрикнул. Но тут же сжал губы и стоял так, не сгибаясь и не отступая, пока его приводили в порядок. Служанка велела идти спать, а когда он отказался, схватила за ухо и силком уложила в постель.

– Ложись спать. Останешься без ужина за то, что натворил.

Ну и пусть, есть ему не хотелось.

Служанка расценила это как упрямство.

– На свадьбе собственной матери, – пожурила она. – Глупый мальчишка. Что теперь тан о тебе подумает? Власть в его руках. И ты должен быть ему благодарен.

Мальчик повернулся в кровати. Перед глазами вспыхнул поцелуй матери и чужого мужчины, словно искра прожгла шелковое полотно.

– Почему они поцеловались?

Старуха смягчилась.

– Сегодня их свадьба, – ответила она. – Они поцеловались, потому что любят друг друга.

За окном опустилась ночь. Последние тусклые угольки

солнца дотлевали на облаках и медленно гасли.

– Он не пришел, – снова сказал мальчик.

Его отец сотряс бы замок до основания, сомкнул бы стены вокруг них, как уже бывало, когда мальчик с матерью жались друг к другу. Мормэр пугал ее, и мальчик знал: это потому, что его отец воплощал собой власть.

– Кто? – спросила служанка. – Кто не пришел?

Ответа она не получила.

– Никто.

Он поежился. Служанка накрыла его шерстяным одеялом, подарком тана. Мальчик про себя молился, чтобы наступающая темнота стерла деяния дня. Но он видел кольцо. Его мать вышла замуж. После поцелуя новобрачных она улыбнулась, и мальчик увидел острый зуб, который она всегда предпочитала скрывать.

– Мой отец никогда не целовал так мою мать, – сообщил он служанке.

– Тс-с, – шикнула она. – Теперь *он* твой отец.

Он обдумал ее слова. Одного отца он потерял. Может потерять и другого.

– Как долго?

– Что как долго?

– Как долго он будет моим отцом?

– Всегда, – ответила она.

Он закрыл глаза. Он знал, что всегда – это очень долго.

Леди

Когда я была девочкой, у меня были косы и вздернутый носик. Мне не нравилось отражение моего волчьего клыка в зеркале, и я старалась держать губы сомкнутыми.

Моя мать умерла в родах. Я убила ее.

Отец никогда не упоминал об этом. Ее смерть стояла между нами. Не то чтобы он ее не любил. Полагаю, что любил на свой лад. Но отец был не из тех, кто выражает свою любовь. Какой могла бы быть его любовь?

Я росла в его тени. В тени его разновидности любви – скупой, унижительной любви, которая ничего не дает в ответ. Он любил других. Женщины скользили по дому, словно угри. Некоторые из них проявляли ко мне интерес. В конце концов, я была внучкой прежнего короля. Старого короля, о котором говорили с почтением. Впрочем, вспоминали его нечасто.

Я была четвертым ребенком своего отца; до меня родились две сестры и брат. Они умерли в младенчестве. Моя вторая сестра прожила дольше всех – два года. Я часто навещала их могилы в крипте замка. Тайком пробиралась туда, где мои сестры и брат покоились под каменными плитами. Спали. «Пожалуйста, проснитесь», – умоляла я. Но они не просыпались. Они умерли до моего рождения, а потом явилась я и убила их мать. Вот почему они не хотели со мной

играть. Как же они должны были меня ненавидеть – четвертую, последнюю, единственную! Убийцу матери.

Какой могла бы стать моя жизнь, если бы мать выжила?

Иногда в отцовский замок приезжал с визитом мой кузен Макдуф из Файфа. То были счастливые дни. Он был добр, хотя тете и дяде я не нравилась. Я была странной девочкой, своенравной, диковатой. Не так мне подобало себя вести.

Большую часть времени я проводила одна. Бродила по лесам, доходила до маленькой лощины, где извилистый ручей прорезал мшистые берега. Там я призывала своих мертвых брата и сестер, представляя на прогалине их призрачные лица. Я думала, что они должны быть похожи на меня. Только красивее. Светлые лица, румяные щеки. Никаких волчьих клыков – только пухлые алые губы и ровные белые зубы. Мои старшие сестры были умны и скромны. Брат – развязен и очарователен. Мы играли в прятки среди камней и деревьев. Грачи мелькали в кронах над нами; в траве пели кузнечики. Совы тарасились из скрытых в листве дупел. Я пряталась. Я ждала. Я слушала шелест ветра, и кожу покалывал холодок. А что, если меня так и не найдут? Отправит ли отец людей на поиски, выследит ли меня, найдет ли за полусгнившим пнем?

Когда я уставала ждать, то возвращалась по петляющей тропинке домой, собирая цветы, чтобы положить их на каменные плиты в крипте. Помнится, я верила, что если умру, то смогу присоединиться к сестрам и брату в их счастливом

танце, мы возьмемся за руки, поднимемся из могил и убежим в безлунную ночь.

Моя бабушка, когда туман не застилал ее разум, порой ходила со мной в лес. Во время прогулок она показывала мне цветы и травы. Говорила о свойствах ревеня, который собирала для своих опухших суставов. Рассказывала о духах, что живут под лепестками цветов и не любят, когда их беспокоят. Собирала ведьмин цвет – золотые шарики купальницы. Жгла можжевельник и очищала замок от злых духов. Дома, при свете одинокого огня, учила меня рукоделию и грамоте. Слушала, как я играю на арфе. Мы часами сидели вдвоем в холод и в жару, и вереница дней тянулась бесконечно.

Она была матерью моего отца и когда-то – королевой. Я пыталась представить ее девушкой, разглядеть прежний облик за длинными прядями белоснежных волос. О тех днях она почти не вспоминала. Люди давно забыли о ней, как и о моем деду. В отличие от моего отца, она не испытывала горечи по этому поводу.

А потом она умерла.

Кто сказал, что мир не может измениться в одночасье?

Я так и не узнала, любил ли мой отец свою мать. Порой он называл ее старой ведьмой, когда она бранила его за разгульную жизнь. Ее кончина никак не сказалась на нем или его отношении ко мне. Я была последней из его рода. «Пора подыскать тебе мужа», – говорил он.

В день моего пятидесятилетия он исполнил обещание.

Отец разглядывал мое лицо, мягко приподняв его за подбородок.

– Ты стала взрослой, – заключил он. – Пора вести себя как подобает.

Ему я могла смотреть в глаза. Но человек, что ждал внизу, был совсем иным.

Этот мужчина не был отцу другом, всего лишь союзником. Мормэр Морейя. Его знала каждая живая душа. Он был могуч почти как король. А может быть, и столь же. Наш повелитель, король Малькольм, оставил его в покое и закрывал глаза на его кровавые походы, пока они не угрожали королевству.

Отец договорился о браке за моей спиной. Через три дня нас обвенчают.

Я не поднимала глаз, скромно склонив голову, пока мормэр и мой отец вели беседу. Вокруг стояла свита отца и наблюдала за нашим знакомством. Мормэр оглядел меня сверху вниз. Оценивающе осмотрел сбоку, затем сзади. Я неподвижно ожидала вердикта.

– Посмотри на меня, – сказал он, когда отец умолк.

Я повиновалась. Он не был уродлив. Тяжелый лоб отбрасывал тень на глаза, а густая борода, вероятно, скрывала шрам. Но уродлив он не был. Хоть что-то.

Он был стар. Не так стар, как мой отец, но все же. Наверное, для него я дитя. Жена и дитя.

– Полагаю, ты знаешь толк в рукоделии? – спросил он.

– Да, господин.

– И в музыке, и в разных девичьих забавах?

– Да, господин.

– Сгодится. Ты родишь мне полдюжины сыновей, все в меня, один сильнее другого.

Я почти не запомнила свадьбу, словно тонкая пелена лежала у меня на глазах. Помню аромат цветов. Помню, как произносила слова. Наш дом был благородным домом, домом обрядов. Прозвучавшие слова связали нас навсегда. Неважно, что они развеялись по ветру, – слова сковали нас, соединили, как лента, что стягивала наши руки. Сомнений не оставалось: я принадлежала ему.

И все же, не считая сыновей, которых я должна была ему подарить, жена была ему не слишком нужна. Он предпочитал общество мужчин. Он окружил себя друзьями и союзниками. Гуляками, которые трепетали перед ним, искали его общества, его одобрения. Они ели вместе, пили вместе. Вместе орали и гоготали. Лишь когда мужчины садились за стол и набивали животы, мой супруг призывал меня к себе. Каждый вечер я изображала живую статую, чтобы мужчины могли пожирать меня глазами.

Когда я входила, в зале воцарялась тишина. Разговоры смолкали, смех замирал. Мужчины глядели, как отблески огня ласкают мое тело.

– Сыграй нам на арфе, – приказывал мормэр.

Я играла им на арфе.

– Спой, – рывкал он.

Я вплетала слова в мелодии. Перед моими глазами вставала короткая прошлая жизнь. Я вновь оказывалась в детстве. Мне хотелось, чтобы песни унесли меня назад в те безмятежные времена, когда я была одинокой девочкой в отцовском замке. Но настоящее стояло у меня перед глазами. Я разрывалась надвое между ним и воспоминаниями. Не диво, что наши тела разделены пополам и шов бежит по спине. Нас сшивают в утробе матери. Половина принадлежит ускользающему прошлому, половина – грядущему.

Я пела. Мужчины заливали слюнями бороды. Они напоминали комнатных собачек, которые с жадностью глядят на волчью кость. Опомнившись, они выпрямлялись. Волк позволял им посмотреть на свой ужин, но не принять в нем участие. Позже они возвращались к своим женам, любовницам, набрасывались на них, пожирали. Могли они при этом думать обо мне? Я была приправой к их ужину – супругой мормэра Мороя.

Сам волк приходил в нашу спальню, как следует набив живот едой и питьем. Я чуяла его мускусный запах и запах оленьего жира от бороды, видела хрящи, застрявшие между зубами. Он вертел меня, лапал свою добычу. Его широкие плечи ходили ходуном. Он рычал, словно зверь, а насытившись, валился навзничь на меха и забывался скотским сном.

К счастью, он редко бывал дома. Он предпочитал вересковые пустоши домашнему очагу. Предпочитал горы и доли-

ны. Он охотился. Он скитался. Он сворачивал мятежникам шеи голыми руками. Отсекал головы и насаживал черепа на колья.

Я оставалась одна, девочка, которая приглядывает за домом. Когда он возвращался из своих скитаний, то ложился в кровать с кровью на устах. Я не спрашивала, чья это кровь — зверей или врагов.

Мой отец не писал мне и не навещал. Он рад был сбыть с рук последнее, непослушное дитя. В следующий раз я увидела его уже в гробу. До нас дошла весть, что он слабеет и я должна поспешить, если хочу увидеть его прежде, чем он отойдет. Мормэр выделил мне лошадей и наказал слугам не отходить ни на шаг. Возможно, опасался, что я сбегу. Но куда? Вся страна была мне темницей. У меня не оставалось ничего, кроме него.

К моему приезду отец уже умер. Я склонилась над гробом и коснулась лица. Безжизненной бледной маски, увенчанной цветами. Смерть ничуть не похожа на сон.

На его похоронах мне стало дурно. Накатила волна тошноты, и я потеряла сознание. Дамы решили, что я лишилась чувств от горя. Но я не испытывала ни горя, ни сожаления. Я была в тягости.

Сбылся мой главный страх. Когда отец отдал меня в жены, я знала, что это возможно, но до последнего надеялась, что ребенка не будет. Но все вышло так, как предрекла женщина в черном.

Мальчик ли это?

По ночам, когда я оставалась одна, я задирала ночную рубашку и подносила свечу к животу. Я смотрела, как он плавает во мне. Смотрела, сперва не веря, а после уверовав и дивясь. Однажды я увидела очертания ручки или ножки, выступающей изнутри. Затем ребенок вновь нырнул вглубь, словно рыбка. Растущий плод шевелился и крутился, и я ощущала это так ясно, так полно, что мне начало казаться: дитя было во мне всегда и всегда будет.

Я тянула с признанием до последнего, чтобы полностью удостовериться. Мормэр был более чем доволен.

– На тебе лежит почетная обязанность, – сказал он, водя грубыми руками по моему округлившемуся животу. – И это будет мальчик.

Для такого человека иной исход немыслим. Он знал силу своего семени.

Все старались обеспечить именно такой исход. Распорядитель трапезы кормил меня дичью, которая способствует рождению сыновей. Церковники привязывали к моим бедрам кусочки пергамента с могущественными словами, призывающими небесные силы коснуться моего тела, благословить мою утробу. Бабушка часто говорила, что, если беременная женщина ступает сперва правой ногой, родится мальчик. Я следила за тем, чтобы всегда ступать правой ногой. Кроме того, живот, в котором зреет мальчик, больше выпирает с правой стороны. Я не была уверена, что справа

он выпирает больше, чем слева, но мои дамы заверяли, что так и есть. Они перечисляли имена мальчиков и девочек и смотрели, не зардеюсь ли я.

Мои мысли должны были быть строги и чисты. Я простила своего мужа, убедила себя, что люблю его. Я прогнала прочь все нездоровые фантазии. Роды всегда несут риск гибели души. Дьявол стремился заполучить этого ребенка – как и любого другого испокон веков. Матери – и источник вечного проклятия, и надежда на спасение.

В страхе я велела, чтобы меня обвязали молитвенными свитками, по одному на каждый год детства. Оно закончилось рано, в одиннадцать лет, в день, когда я повстречала окутанную мраком женщину, которая сказала мне, что у меня будет сын. И что он умрет по моей вине.

Врач и священник ни за что бы не поверили подобному пророчеству. Более того, обвинили бы меня в сношениях с неким неведомым злом. Я помалкивала, так что меня просто сочли чрезмерно набожной дурочкой. Одиннадцать молитвенных свитков могли бы оскорбить небеса. Священник настаивал на одном, я потребовала хотя бы два. Благочестивый старец посоветовался с моим мужем, и они согласились.

Раз уж я носила дитя, им приходилось потакать моим суевериям и страхам. Молитвенные свитки намотали туго, и каждый запер жуткое видение еще глубже в чертогах памяти. Прежде всего я запретила разжигать огонь. Ни малейшего огарка не должно было гореть у моего ложа. Мои глаза не

должны были видеть пламени. Мои дамы молились со мной в темноте.

Это казалось им странным, но объяснить причину я не могла. Меня сочли бы проклятой. Я никому не говорила, что увидела в лесу в последний день детства, в последний день перед тем, как у меня пошла кровь. Круг, который начертила женщина в плаще. Огонь, дитя.

Я молилась. Если мне повезет, роды будут легкими.

Мне не повезло. Схватки пронзали мое тело, словно молнии. Я пылала на своем ложе. Я обливалась потом. Даже в темноте я видела пламя. Это не было ужасным видением: слуги принесли факелы, чтобы осветить комнату. Я закричала, чтобы их унесли. Повитухи прижали меня к кровати и срезали молитвенные свитки ножом. Я все еще видела пламя. Я видела горящее дитя.

Женщины остужали меня примочками. Легче не становилось. Ребенок рвался наружу и не помышлял о том, выживу ли я. А если я умру? Мормэр не станет по мне тосковать. У него будет сын. Я могу отдать за него жизнь, но я подарю ему живого, дышащего сына.

Наконец крики ребенка разорвали пелену жара.

– Это?.. – прошептала я.

– Да.

Мальчик. Повитуха протянула его мне, положила на мою обнаженную грудь. Наши сердца бились в такт, моя кровь звала его, его кожа была дивно теплой.

— Его нужно покормить, — сказала повитуха. — Позвольте, госпожа.

— Нет, — отрезала я.

— Кормилица...

Повитуха протянула руки, чтобы забрать его у меня и отдать чужой женщине с грудями, полными молока. Кто знает, какой гадостью она может его накормить. Он принадлежит мне. Я сама буду кормить сына.

День за днем, часы напролет мы были единым целым, мать и дитя. Он пил мое молоко и забывался глубоким сном, причмокивая — ему снилась моя грудь. Я смотрела, как бьется пульс в незатвердевшей макушке, и мне казалось, будто у него в голове есть маленькое сердце. Лихорадочный пульс в родничке. Ритм, который говорит об отчаянном желании жить.

Каждый раз, когда он плакал, у меня сочилось молоко и проступало сквозь сорочку. Пока он сосал грудь, мне казалось, будто он снова в утробе и холод мира не может коснуться его. Очнувшись от младенческих грез, он требовал молока. Пока он пил, его глаза напоминали два темных оута; они ничего не искали, ничего не признавали. Лишь вбирали жизнь. Когда я отнимала его от груди, он снова засыпал безмятежным младенческим сном.

Мормэр восхищался нами. Он сидел в своем большом кресле, покрытом мехами, и смотрел на меня и на это крошечное живое существо. Мы были с ним единым целым,

чем-то новым, чем-то за гранью его воображения, что захватило его дом.

Поначалу мормэр не прикасался ко мне из уважения к материнству, повинуюсь древнему инстинкту. Но вскоре ему стало невтерпёж. Его снедали страсть и похоть. Он потребовал, чтобы я вернулась в его постель. Но мое изменившееся тело ему не понравилось. Он разглядывал его с подозрением. Возможно, не мог отделить привычную плоть от новой. Он отстранился, замкнулся, его взгляд становился все более диким. Он охотился по несколько дней кряду. И это были самые счастливые дни.

Ребенок рос. Сперва его глаза вобрали свет, и темные омуты стали яркими голубыми озерами. Он вздрагивал от неожиданных звуков. Его взгляд блуждал по комнате, он разглядывал высокий балочный потолок, находил мое лицо. Он льнул ко мне, когда нуждался в утешении, льнул ко мне в страхе, льнул ко мне, цепляясь за жизнь. Пуповину между нами давно перерезали, но от этого он льнул ко мне только сильнее.

Вскоре он уже садился, тянулся к ложке, к катушке. Ползал. Пошатываясь, вставал, держась за табурет. Ходил, говорил. Цеплялся за мой подол. Тянулся, чтобы я взяла его на руки. Я носила его на бедре, и его тяжесть была мне в радость; когда он спал, опустив головку на мое плечо, я ощущала себя цельной.

Когда муж возвращался из своих скитаний, то всматри-

вался в мои глаза, выискивая малейший намек на измену, обшаривал мою одежду, постель. От него воняло всем, чем он занимался вдали от меня. Каждым куском мяса, каждым кубком, каждой шлюхой, каждой справленной нуждой – все запахи держались на нем. Он был воплощением всего мужского, мешаниной крови и костей.

За ужином он свирепо глядел на меня через стол. Он пил, обвиняя меня в нечистых мыслях. Хватал за талии служанок и отпускал замечания об их девичестве. Он говорил, что я свое утратила.

Но разве не он его забрал? Разве не ему оно принадлежало? Разве не он владел всем? Домом, женой и ребенком?

Он даже высмеивал нашего сына. Мальчишка слишком мягок; вечно тянется к мамочке. Слезы – признак слабости, говорил мормэр. Моя кровь ослабила его; я разбавила семя своего мужа, и теперь сын цепляется за женские юбки.

– Хватит ему потакать, он и так уже похож на девчонку.

Мой муж искал дома других развлечений. Однажды знатные гости привезли с собой обезьянку на поводке – шелудивую замученную тварь из далеких земель. Мормэру она пришлась по душе, он угостил ее элем. Обезьянка жадно вылакала пойло, видно, ей было не привыкать.

Мормэр засмеялся.

– Еще эля для моего друга!

Обезьянка вылебала эль залпом и покатила по полу. Мужчины гоготали, глядя, как обезьянка держится за голову

и пытается вырваться из тумана, застилающего мозг. Но как бы она ни старалась, эль был сильнее.

Мормэр грохнул кулаком по столу и рывкнул:

– Всем брать пример с обезьяны!

Его взгляд упал на меня, и смех смолк. Затем он посмотрел на сына.

– Иди сюда, мальчик, – сказал он. – Подойди к отцу.

Мальчик заглянул мне в лицо в поисках поддержки, но я ничего не могла сделать.

– Иди сюда, я сказал!

Он повиновался, бедный крошка.

– Вот молодец, – сказал мормэр. – Подойди. Пей.

Он протянул моему сыну кубок и положил тяжелую руку на спину мальчика.

– Сегодня важный день. У меня есть кое-что для тебя.

Мормэр поднялся – гора в человеческом облике, борода, грязь под ногтями и пот; он вздымался над сыном. Он потянулся к поясу и достал кинжал.

Я даже закричать не успела. Перед моими глазами сверкнуло лезвие, способное оборвать жизнь моего сына.

Мормэр поднял нож, оценивая его остроту и балансировку. Затем ловко перехватил кинжал за лезвие и протянул рукояткой вперед.

– Возьми этот кинжал, – сказал мормэр. – Это дар мужчине, будущему воину. Дар отца, который научит тебя правильно его вгонять.

Гости расхохотались.

Лицо мормэра сделалось торжественным.

– Когда-нибудь ты будешь править этим домом. Ты, носитель моей крови, который передаст ее своему сыну. Прими его. Возьми мой нож.

Мальчик не двигался.

Мормэр, пьяно пошатываясь, опустился на колени и протянул нож еще раз.

– Возьми его.

В зале воцарилась тишина. Все смотрели на них в этот миг великого предзнаменования.

«Возьми его, – мысленно молила я. – Возьми его, и все будет хорошо».

Мужчины переступали с ноги на ногу, перешептывались.

– Мальчик!

Мормэр схватил его за руку, дернул к себе.

– Возьми чертов кинжал!

Мальчик задрожал, поник в отцовской хватке. Глаза его наполнились слезами; он сдавленно всхлипнул. Мормэр с отвращением отпустил его руку. Мой сын отпрянул, повернулся и побежал ко мне.

Я не подпустила его к себе.

– Иди! – яростно велела я. – Возьми нож у отца.

Пугливый дурачок замотал головой. Он понятия не имел, что натворил. Этот человек мог убить нас обоих.

Мормэр встал и всадил кинжал в столешницу.

– А ну иди сюда, мальчик. Иди сюда, ублюдок, или я обрушу крышу на твою голову.

Спрятав лицо в складках моего платья, сын заплакал.

Мормэр яростно взмахнул рукой, кувшины и кубки разлетелись по комнате. Как легко он мог ринуться на нас, швырнуть ребенка об стену!

Его могучая грудь вздымалась. Гости смотрели в пол.

Тишину нарушила обезьянка. Пьяный зверек дико захотал. Он смотрел на мормэра. Мой муж встретился взглядом с дикой тварью, когда та положила лапу между ног и принялась теревить свой стручок.

Все молчали. Комнату наполняло уханье обезьянки, которая ублажала себя.

Мормэр повернулся ко мне.

– Ты.

Его трясло.

Я прижала сына к себе и обвела взглядом комнату в надежде, что кто-то вступится за нас. Никто не поднял глаз.

– Шлюха!

Прозвучавшее слово могло бы расколоть камень. На его губах выступила пена. Он ткнул в меня пальцем.

– Мой сын не стал бы плакать; мой сын не стал бы прятаться от своего отца. Ты притащила ублюдка в мой дом.

Я покачала головой.

– Нет, – пролепетала я из последних сил. – Нет.

– Гнусная, нечестивая шлюха! Ты испортила его. Ты пре-

вратила его в... бабу.

Мне следовало склониться. Следовало пасть ниц, чтобы смягчить его. Но я не могла.

– Пожалуйста... – начала я.

– Это отребье, этот слизняк не мой сын.

– Мой господин, – простонала я. – Он твой.

Впервые я ощутила всю мощь его ярости. Всю злость, что копилась в нем, каждую обиду, что питала его гнев, он вложил в свой удар. Сперва я не почувствовала боли; только твердый пол, на который упала. Из этой жесткости, из головокругления медленно поднялось понимание случившегося; я ощутила, как сын рухнул рядом со мной. Он был невредим. Лишь тогда я прижала ладонь к лицу, чтобы унять боль от удара, нанесенного мужем.

Мормэр опустился на колени рядом с нами.

– Эта тварь, – прошептал он, указывая на заскучавшую обезьянку, – эта тварь и то больше мужчина, чем этот мальчишка.

Он сплюнул. Слюна попала мне в глаз и обожгла его, словно соль.

Той ночью он выставил меня из нашей спальни и запер дверь. Дрожащий слуга показал мне мою новую постель – тюк соломы в зале. Утром мормэр уехал, еще затемно отправился в новый поход. Он не обмолвился, куда направляется и когда вернется.

Мы с сыном ждали. Шли недели, мое лицо зажило. Про-

шел месяц, другой. Мне начало казаться, что мормэр нарочно держится вдали, чтобы наказать меня, что он начал новую жизнь, правит другими землями. Времена года сменяли друг друга. Прошло полгода, больше. В отсутствие мужа я взяла себя в руки, собралась с духом. Я исправлю то, что случилось, и однажды все снова станет на свои места. Я подготовлю сына к возвращению его отца.

Мы стали упражняться. Так я говорила себе: это всего лишь репетиция, чтобы показать ему, как себя вести. Я не знала, что это значит, когда мать, а не отец вкладывает нож в руки сыну. Кинжал – это символ мужской доли. А я – кто угодно, только не мужчина.

– Подойди, – велела я сыну. – По традиции отец вручает сыну нож.

Я мягко подала ему кинжал. Он протянул руку и обхватил рукоять пальцами.

– Возьми как следует, – сказала я. – Видишь, как просто? Он сжал пальцы. Схватил нож и без предупреждения дернул.

Это был не легкий укол иглы. Лезвие рассекло мне ладонь. Я вскрикнула от жгучей боли. Мальчик испугался и заплакал.

– Не плачь, – сказала я. – Смотри.

Я вложила в его руку кинжал, и он принял его. Он крепко держал нож, алый от крови его матери. Вместе мы смотрели, как кровь струится из моей ладони и капает на пол.

Мальчик

На следующий день после свадьбы тан уехал в Инвернес, где к нему вскоре присоединятся мальчик и его мать. Макбет забрал с собой воинов, слуг и даже собак, но сборы и подготовка все равно заняли много времени. На следующей неделе слуги загрузили последние повозки и запрягли лошадей. Мальчик с матерью тронулись в путь с десятником во главе и в сопровождении немногочисленной свиты.

Они придерживались дороги, миновали деревушки, пересекали ручьи. Въезжали в леса, где бурлили кристально чистые потоки и из зарослей глядели волки. Солнце касалось далеких вершин высоких холмов, лишенных облачных венцов. В болотах бродили кроншнепы, окунали в воду узкие клювы. В зарослях металась мошकारа, спасаясь от мерзких жуков, которые карабкались вверх по стеблям гнувшей-ся травы.

Проехав немало миль, они оказались в небольшом городке. Вдоль широкой улицы стояло несколько щеголеватых зданий, на узких улочках громоздились покосившиеся домишки. Люди выглядывали из дверей, провожая всадников. Плакал ребенок. Женщина выплеснула содержимое ночного горшка рядом с проезжающей повозкой. Дети бежали рядом с обозом, дразня лошадей, и те прибавили ходу.

Замок Макбета высился впереди, резко очерченный на

фоне солнца. Под зубцами стен лепилось с дюжину глиняных гнезд, из которых вырывались стремительные птицы. Мальчик смотрел, как они взмывают и падают, кружат и исчезают в щербатых стенах замка. Мальчик подумал, что если он упадет с вершины башни, то разобьется, и тогда его мать пожалеет о содеянном. Он представил, как лежит изломанный на земле. Улитки ползают по его глазам, а насекомые строят домики в грудях костей. Трава прорастет между пальцев его ног, одежда покроется мхом, а кожа задубеет на иссохшем теле.

У ворот замка десятник повернулся в седле.

– Мы прибыли, госпожа, – сказал он.

Во дворе их выбежали встречать несколько крупных собак, за которыми спешили взмыленные слуги.

– Леонас!

Мальчик выскочил из повозки, опустился на колени и обнял за шею свою любимую борзую. Мокрый собачий нос прижался к его щеке.

– Встретил старого друга, – сказала его мать.

– Да!

Пронзительный свист заставил их вздрогнуть. Псы заскулили и по второму свисту умчались в дальний конец крепости. Леонас вывернулся из рук мальчика и поспешил следом. Теперь вся свора теснилась у ног хозяина.

Макбет потрепал собак и уверенно зашагал через двор.

– Моя дорогая, – сказал он, протягивая руку супруге. Он

помог ей спуститься и взял ее лицо в ладони. – Добро пожаловать в твой новый дом.

Макбет коснулся губами ее губ, затем глаз и щек.

– Ты получил мое письмо? – спросила она.

Макбет прижал свою руку к своей груди.

– Храню его у самого сердца.

Мальчик поднял взгляд и увидел, как над острыми зубцами стены хлопают на ветру знамена. Слуги суетились вокруг, распрягали коней, выгружали поклажу, уносили сундуки и короба.

Слуга подошел к Макбету и поклонился.

– Господин, трапеза готова.

Макбет вновь коснулся лица жены.

– Тогда давайте поужинаем.

Слуга взглянул на мальчика, прочистил горло.

– Господин, стол накрыт только для вас и Леди.

– Вот как?

По лицу Макбета скользнула тень. Мать, мальчик и слуга ждали, пока тан примет решение.

– Сегодня накройте на троих, – велел он.

Он посмотрел на мать мальчика, затем на него самого.

– Добро пожаловать, парень, – сказал он и повел их ужинать.

После ужина мальчик увидел призрак. По залу заструились ее льняные волосы, а потом она исчезла, и он лишь на-

утро узнал, что это не призрак, а девочка.

Бледный луч рассветного солнца пробрался в кровать и разбудил его. Он оделся без посторонней помощи и спустился по узкой лестнице, внизу которой наткнулся на усталого слугу. Тот отвел его на кухню. Мать мальчика и ее муж еще спали, но хмурая кухарка положила на стол толстый ломоть хлеба, который мальчик с удовольствием умял.

Он вспомнил запахи и виды замка его покойного отца. Там тоже на заре все понемногу оживало. Вскоре кухню наполнили запахи кипящего жира и пшеничной крупы, томящейся на огне, пополам с запахами скошенной травы и скота. Все казалось знакомым и в то же время чуть искаженным, смещенным.

Слуга впустил борзых. Леонас бросился к мальчику, и мальчик встал на колени, чтобы Леонас облизал ему лицо. Он зарылся носом в пушистую шерсть на загривке друга, а затем отправился со всей сворой в комнату при кладовой, где слуга покормил собак обрезками мяса.

И тут снова появилась девочка-призрак, задержавшись в дверях и глядя на мальчика и собак большими голодными глазами. Она была лет девяти или десяти в простом платье, похожем на колокольчик. Ее льняные волосы покрывал платок. Мальчик следил за ней краешком глаза, и поскольку она не решалась сделать шаг, жестом предложил ей войти.

Она вошла, но робко остановилась перед собаками.
– Протяни к ним руку, – сказал мальчик. – Вот так.

Он поднес ладонь к носу Леонаса. Девочка повторила, протянула руку, чтобы пес мог обнюхать ее пальцы.

– Теперь вы друзья, – заверил ее мальчик. – Поскольку я его друг, он будет дружить с кем я скажу. Можешь погладить его, если хочешь.

Он положила ладонь на бок Леонасу. Ее пальцы были красными и обветренными.

Мальчик засмеялся.

– Ты что, ни разу собаку не гладила?

Она покачала головой.

– Вот так.

Он показал, как гладить Леонаса, чтобы не ерошить шерсть.

– Теперь ты.

Она провела рукой от шеи до хвоста собаки, но тут подошел слуга и вывел борзых.

– Здесь живет девочка, – сказал мальчик матери, когда она спустилась в главный зал к завтраку. Она надела новое платье, повязала голову шелковым платком. В углублении очага потрескивал огонек.

– Девочка? – переспросила мать, подняв брови.

– Я думал, это призрак. Но это просто девочка, которая не умеет гладить собак.

– Девочки этого обычно не умеют.

В комнату пробралась птица – маленькая ласточка, которая металась над головой в поисках выхода. Она билась о

стены и балки, носилась зигзагами, пока наконец не уселась высоко на потолочной балке, в паутине, возмущенно чирикающая.

Слуга открыл дверь, и в зал вошел Макбет. Его жена поклонилась; мальчик повторил за ней. Макбет подошел к столу, прислужник пододвинул ему стул. Затем он пододвинул стул его жене. Мальчик пододвинул стул сам.

Они молча ждали, пока слуги выносили блюда и под прищмотром распорядителя трапезы накрывали на стол. Макбет мрачно отломил кусок хлеба, прожевал, запил элем. Птица слетела на пол, запрыгала, подбирая крошки, и снова взмыла на затянутые паутиной балки. Макбет не обратил на нее ни малейшего внимания.

Здесь, дома, в собственном замке, Макбет выглядел старым. Он явно был старше матери мальчика. Мальчик не знал, сколько лет его матери, но ее часто называли красавицей. «Такая молодая и такая красивая», – шептались люди, как будто это была страшная тайна, которую стены могли подслушать.

Макбет медленно жевал, а его жена положила себе крошечный кусочек размером с воробушка.

– Мой сын говорит, что в замке есть маленькая девочка, – наконец сказала она. – Есть ли здесь еще дети? Может быть, мы подыщем ему товарищей для игр.

– Девочка, – произнес Макбет и сделал еще глоток. – Это Марсали, наверное. Дочка Исенды.

– Одной из моих дам? Она о ней не говорила. Другие дети есть, или только она одна?

– Только одна. Не считая его.

Макбет взглянул на мальчика.

– Так что теперь получается двое.

– Можно я ее поищу? – спросил мальчик.

Глаза матери скользнули по лицу Макбета. Тан почувствовал, что его изучают, и кивнул в знак согласия.

Когда мальчик спускался по коридорам в тот первый день, замок уже не казался таким большим, как прошлым вечером. Факелы погасли, и утренний свет, льющийся через открытые ставни, скользил вверх по стенам. Девочка вышивала в швейной комнате вместе с матерью. Когда он подошел к двери, обе поднялись и слегка присели.

– Я пришел узнать, не согласится ли девочка поиграть со мной в замке, – заявил он.

Исенда приподняла бровь.

– А лорд и леди разрешили?

Он заверил, что да. По слову матери Марсали отложила шитье и осторожно направилась к двери.

– Я жду ее назад не позже чем через час, – добавила она.

Когда они шли по коридору, мальчик произнес:

– Как видишь, я один, без Леонаса. Так что нам придется подружиться без его помощи. Но он сказал, что мы должны стать друзьями.

– Правда?

Он впервые услышал ее голос.

– Да, – подтвердил мальчик, осмелев. – Он сказал, что в замке много секретов, и ты должна показать их мне, а если что-то утаишь, то Леонас узнает и больше не разрешит тебе себя гладить.

Они прошли мимо главного зала, откуда доносился смех его матери и ее мужа. Макбет теперь говорил оживленно. Она отвечала. Мальчик заглянул в дверь и увидел, что они держатся за руки. Леонас лежал рядом с Макбетом. Попавшая в плен ласточка прыгала у огня. Леонас не обращал внимания ни на птицу, ни на мальчика в дверном проеме. Он лениво зевнул, выкатив серо-розовый язык и свернув его, как блестящую саламандру.

Мальчик взял Марсали за руку и потащил прочь.

– А теперь покажи мне секреты замка.

Она молчала.

– Ты не умеешь говорить?

– Умею.

– Так почему не говоришь?

– Не знаю, что сказать.

– Ничего не приходит на ум?

– Кое-что приходит.

– Так скажи.

– Не стоит.

– Почему?

– Потому что это неприлично.

– Неприлично?

– Иногда мне приходят на ум неприличные мысли, которые не стоит высказывать.

– Выскажи их мне, не то мы с Леонасом не станем с тобой дружить.

Она сжала губы, словно створки раковины.

– Тебе все равно, что мы не будем с тобой дружить?

Она задумалась.

– Леонас приехал на прошлой неделе, а ты и вовсе вчера. Я вас совсем не знаю. Вряд ли я сильно расстроюсь, если мы забудем друг о друге.

– Ладно, – сказал он. – Расскажешь о своих неприличных мыслях в другой раз. А сейчас покажи секреты, как обещала.

У нее была маленькая шкатулка-головоломка из черного дерева, подарок дяди. Дядя побывал на Востоке, в Аравии, где видел много чудес. Он видел безголовых людей с лицами на груди. Видел людей с длинными темными журавлиными шеями. Видел женщин с крыльями на спине и плавниками, как у рыбы. А когда он вернулся домой и привез Марсали черную шкатулку, то рассказал о турецких водяных часах и удивительных куклах с часовым механизмом. Легкое касание, и кукла начинала двигаться, словно создание из крови и плоти, повинувшись какой-то незримой воле. Ее дядя видел деревянных птиц, оживающих на ветру. У них тоже были часовые механизмы, и, когда дул ветер, шестеренки вращались и птицы хлопали крыльями и открывали клювы.

– Они даже могут отложить яйцо, – сказала Марсали.

– Яйцо?

– Ну, деревянное, конечно.

Мальчик захотел это увидеть.

– Нет, – сказала она. – У меня есть только это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.